

А. В. ПОПОВА

Московский университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
anja.p-va@yandex.ru

КОНСТРУКЦИЯ ТИПА *ВОДА ПИТИ* В РЯЗАНСКИХ ПАМЯТНИКАХ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XV–XVII ВВ.

В статье рассматривается проблема употребления конструкции типа *вода пити* (инф. + И. п.) на южнорусской территории. Проанализированы рязанские памятники деловой письменности XV–XVII вв., в отобранном материале обращается внимание на особенности встречающихся примеров: на частоту употребления сочетаний, на примеры с именами собственными, словосочетания с диалектными словами. Помимо этого, рассматриваются особенности употребления конструкции в деловых текстах, обращается внимание на возможность использования исследуемой конструкции как штампа делового языка. На основе проанализированного материала можно прийти к выводу, что конструкция типа *вода пити* была употребительна хотя бы на некоторой части рязанской территории.

Ключевые слова: конструкция типа *вода пити*, рязанские памятники деловой письменности XV–XVII вв., устойчивые сочетания, референтность, одушевленность.

Общие замечания

Конструкция И. п. + инф., исследуемая в этой статье, давно известна лингвистам (особенно историкам языка, диалектологам, типологам), поэтому сразу обозначим, какие вопросы окажутся в центре нашего внимания, а какие рассматриваться не будут. Настоящая работа посвящена проблеме диалектной локализации названной конструкции, а именно ее представленности в южнорусских говорах XV–XVII вв. Исследуются данные, связанные с определенной диалектной территорией — рязанской. В задачи работы входит анализ примеров, зафиксированных в рязанских источниках XV–XVII вв., по определенным ниже параметрам. Вопросы происхождения и истории развития этой конструкции в нашей работе не рассматриваются¹.

¹ По проблеме происхождения данного оборота существует большая литература. В русской лингвистической традиции изначально господствовала гипотеза о его индоевропейском генезисе [Потебня 1888; Степанов 1984; Попов 2012], в последнее же время все больше стала высказываться идея происхождения оборота типа

Давно известно, что именительный падеж прямого дополнения при инфинитиве переходных глаголов (в данной работе «конструкция типа *вода пити*») неоднократно отмечался исследователями в первую очередь в северо-западных, северных и московских памятниках письменности [Борковский 1949: 338–351; Ломтев 1956: 85; Филин 1972: 476–491; Зализняк 2004: 447 и др.]. Отмечалось употребление конструкции типа *вода пити* в таких известных деловых памятниках, как «Русская Правда» обеих редакций, Смоленская грамота 1229 г., Судебники 1497 и 1550 гг., Уложение 1649 г. и др. [Потебня 1888: 416–418; Соболевский 1907: 198; Борковский 1949: 338–351 и др.].

Постепенно в фокусе внимания лингвистов стали появляться и южные деловые документы, в текстах которых встречаются примеры конструкции типа *вода пити*. Так, А. А. Потебня отметил пять примеров именительного падежа объекта при инфинитиве в белорусских деловых текстах: *исправа чинить, татьба вернути, давати мера, давати... полтина, рука втяти*² — и некоторые примеры из фольклора [Потебня 1888: 416–418].

В следующей работе, а именно в известной статье С. И. Коткова [1959], приводятся примеры из деловой письменности многих южнорусских городов и их областей (Елец, Болхов, Курск, Ливны, Орел, Мценск и др.) и делается вывод об общерусском характере исследуемой синтаксической черты. Та часть статьи С. И. Коткова, которая посвящена употреблению конструкции в документах разных южнорусских областей, носит в значительной степени обзорный характер: примеров употребления конструкции для каждого конкретного региона приводится мало, единственная подробно исследованная область — курская. С. И. Котков детально исследовал курскую отказную книгу (1630–1660 гг.) и отметил, что в ней встречается до 140 примеров конструкции типа *вода пити*, среди которых отмечается преобладание сочетаний³ *пашня пахать, служба служить* [Там же].

вода пити под влиянием финно-угорского субстрата [Timberlake 1974: 2–3; Ронько 2016: 172–174], что, естественно, предполагает локализацию исследуемой конструкции на территории контактов восточных славян с финно-уграми и исключает ее общедревнерусское распространение. В данной работе мы сознательно отвлекаемся от проблемы генезиса конструкции типа *вода пити* и ограничиваемся вопросом о её представленности на названной южнорусской территории (для рязанских говоров в принципе финно-угорские контакты возможны, поскольку эту территорию населяли финно-угорские (мещера или мордва) и балтийские племена, см. [Седов 1997: 79 и др.], однако для обоснования субстратного происхождения исследуемого оборота необходимо сопоставление с данными памятников другой диалектной локализации, что выходит за рамки задач настоящей работы).

² Здесь в знач. 'ударить'.

³ Под сочетанием понимается конкретная лексическая реализация (наполнение) данной конструкции, например сочетание *пашня пахать*. Это сочетание, которое реально встретилось в конкретном тексте. Далее в работе сочетания делятся на повторяющиеся, т. е. неоднократно встречающиеся в текстах, и уникальные, т. е. встречающиеся редко или единично.

Обратим внимание также на менее известную работу С. И. Коткова [1978], в которой исследователь развивает мысль о том, что указанная конструкция в течение определенного периода истории русского языка функционировала на всей территории его распространения. С. И. Котков при этом ставит вопрос о связи данной конструкции с московской деловой письменностью и приходит к выводу, что «в XVII в. влиятельной, характерной чертой языка московских приказов исследуемая конструкция не являлась», потому что: 1) в московских текстах присутствует вариативность именительного/винительного падежей при независимом инфинитиве; 2) в материалах московской деловой письменности, опубликованных в издании «Московская деловая и бытовая письменность XVII в.», встретилось меньше примеров данной конструкции, чем в материалах южнорусских, представленных в «Памятниках южновеликорусского наречия. Отказные книги» [Там же: 33]. Таким образом, исследователь пришел к выводу, что конструкция типа *вода пѣти* не могла появиться в южнорусских документах под влиянием делового языка Москвы. Необходимо отметить, что вариативность в употреблении данной конструкции (И./В.) известна еще в самых ранних памятниках (например, в Смоленской грамоте 1229 г.), поэтому сам факт вариативности, судя по всему, не является информативным в отношении наличия конструкции в языке. Доказательство от «противного» (данная конструкция уже мало употреблялась в деловом языке Москвы, значит, в южнорусской письменности она «родная, а не пришедшая из Москвы») требует дальнейших уточнений и более тщательного обоснования⁴.

В. Б. Крысько также склоняется к мысли, что рассматриваемый оборот является общерусским, так как он встречается вплоть до XVIII в. в текстах, далеких от диалектного языка (например, в «Материалах для истории Академии Наук») [Крысько 1994: 195]. Действительно, вплоть до XVIII в. конструкция типа *вода пѣти*, судя по всему, использовалась в речи москвичей и не считалась ими диалектной, поэтому появление этой черты в «литературных» текстах вполне объяснимо [Попова 2017]. Для нас проблема заключается в том, что примеры в работе [Крысько 1994] приводятся из московской, казанской (Казанский летописец) и новгородской летописей и других неюжнорусских источников [Там же: 194–195], — таким образом, соответствующие примеры из южнорусских неделовых текстов в распоряжении исследователей отсутствуют.

⁴ Большинство опубликованных текстов в издании «Московская деловая и бытовая письменность XVII века» — челобитные и сказки, в которых, по нашим наблюдениям, встречаются преимущественно личные глаголы, модальные инфинитивы употребляются крайне редко. Например, челобитная состоит, как правило, из двух частей: 1) рассказ о событии, вызвавшем обращение, 2) просьба («пожалуй», «вели мне дать»). Таким образом, в этих грамотах нет необходимого контекста, благоприятного для появления конструкции типа *вода пѣти* (распоряжения, указания на то, как следует поступать).

Возникает вопрос: почему все примеры конструкции *вода питу* встретились в южнорусских деловых документах при отсутствии примеров из неделовых источников? Такое ограничение имеющегося материала вызывает следующий вопрос: не может ли данная конструкция быть устойчивым штампом делового языка?

Справедливо было бы полагать, что необходимо дальнейшее изучение проблемы диалектной локализации этой конструкции и представленности ее в южнорусской диалектной системе, поскольку имеющиеся данные в пользу наличия конструкции типа *вода питу* в южнорусских диалектах старорусской эпохи намного «слабее» по сравнению с данными из севернорусских, северо-западных областей и говора Москвы.

Так как круг южнорусских источников, в которых встречается рассматриваемая конструкция, ограничен деловой письменностью, обратимся сначала к современным диалектным данным. Объем таких данных, касающихся употребления конструкции типа *вода питу* в говорах южных регионов, крайне невелик. Диалектологи И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко отметили примеры конструкции, встретившиеся в материалах южнорусских говоров, и обратили внимание на неизученность данного явления для южнорусской территории. Заметим при этом, что приведенных исследователями примеров для отдельных населенных пунктов или районов тоже представлено очень мало [Кузьмина, Немченко 1964: 151–165].

С. И. Котков приводит также сведения из Картотеки Диалектологического атласа русского языка Института русского языка РАН, записанные в Рязанской области: Погорелка Пронского р. (580), Березово Шиловского р. (606), Мокрое Сасовского р.⁵ (636), Малый Сапожок Сапожковского р. (838). Исследователем отмечены 6 примеров данной конструкции при инфинитиве: *косить трава* (580), *рыба лавить* (606), *сеять мука* (636), *картошка рыть*, *картошка сажать* (838), а также 2 примера конструкции с именительным падежом объекта при личной форме глагола: *бани тапила* (838), *лавили рыба* (636) [Котков 1959]. По всей видимости, приведенные диалектные данные все-таки нельзя считать достаточными для надежных выводов о наличии конструкции *вода питу* в рязанском диалекте.

Таким образом, как мы видим, в неделовых памятниках письменности, созданных на юге великорусской территории, данная конструкция не отмечалась исследователями, диалектных южнорусских примеров конструкции зафиксировано мало, что представляет собой значительный контраст с

⁵ Автор этой работы ездил в указанный С. И. Котковым населенный пункт Рязанской области (д. Мокрое Сасовского р-на) в августе 2018 г. В этом населенном пункте и в некоторых других пунктах Сасовского района (в дд. Азееве, Сенине, Пчельнике, Игошине и др. близлежащих поселениях) фактически не осталось носителей диалекта — в настоящее время там проживают дачники, пожилое население говорит на литературном языке. Таким образом, сейчас невозможно получить большее количество диалектных примеров и подтвердить или опровергнуть наличие данной черты в указанном говоре.

северными областями, в которых конструкция до сих пор употребительна и возможно пополнение имеющихся диалектных данных (см. работы [Маркова 1985; Ронько 2017]); на южнорусской территории конструкция фиксируется главным образом в деловых источниках старорусской эпохи⁶. Возможно, это связано с отсутствием в распоряжении исследователей южнорусских памятников, свободных от делового формуляра, что помогло бы решить стоящие перед нами проблемы, однако пока вопрос о том, не является ли данная конструкция в южнорусских деловых текстах устойчивым штампом делового языка, не имеющим отношения к местной диалектной системе, остается актуальным.

Эта проблема уже была в поле зрения С. И. Коткова. Исследователь пытался разделить формульные и неформульные сочетания: «наряду с такими словосочетаниями, как “государева служба служить” (а может быть, и “пашня пахать”, “земля пахать”), в известной мере штампами приказного языка, в книгах обнаруживаем и другие выражения, которые едва ли правомерно трактовать как формулы, усвоенные из этого языка. Обращаем внимание на следующие: рыба ловить — лл. 451 об., 775 об., 818; усада (или “всада”) делить — ⟨...⟩; земля и сennыя покосы делить — ⟨...⟩» [Котков 1959: 50]. В работе не сформулированы критерии, по которым могли бы различаться штампы делового языка и возможные «живые» примеры употребления конструкции типа *вода пити*, однако С. И. Котков выделяет некоторые уникальные, т. е. не встречавшиеся в неюжнорусских источниках сочетания (*глина имать*, *свадьба играть* и некоторые другие), на основе чего он приходит к выводу, что исследованная языковая черта является в местной диалектной системе «живой» [Там же: 48, 50].

Таким образом, одна из проблем анализа употребления конструкции типа *вода пити* в деловых южнорусских текстах — выяснение, не является ли данная конструкция результатом ориентации на приказной язык Москвы. Необходимо проверить степень вероятности такой возможности и выяснить, в какой мере в южнорусских деловых памятниках данная конструкция представлена в свободном, неформульном употреблении. Предложим следующий путь решения обозначенной проблемы: все виды употреблений конструкции *вода пити* разделяются на два типа.

К первому типу отнесем такие случаи. Если какое-либо сочетание неоднократно встречается в деловых документах разных южных регионов, можно предположить, что данное сочетание является формульным, — его использование можно считать малоинформативным относительно употребления конструкции в том или ином конкретном регионе. Так, в статье С. И. Коткова сочетание *служба служить* встречается в примерах из Белгорода, Ельца, Новосиля, Острогожска [Там же]. Ср. также замечание

⁶ Известны примеры XV–XVII вв., приведенные в работах [Котков 1959; 1978]. Возможно, конструкция типа *вода пити* употреблялась за рамками обозначенного периода в деловой письменности юга, но этот вопрос требует отдельного исследования.

О. В. Блиновой о том, что на основе данной синтаксической конструкции могли образовываться формульные сочетания: «...фиксируем примечательный факт: стандартная адресная надпись формируется на основе определенной синтаксической конструкции, а именно конструкции *им.п.ед.ч. имени жен. рода на -а + независимый инфинитив*» [Блинова 2010: 65]. Таким образом, появление конструкции, по мнению исследовательницы, может быть обусловлено тем, что писцы приобретали «привычку» употреблять сочетание **ся грамотка** в И. п. (к такому выводу автор приходит на основании исследования употребления сочетания *отдать ся грамотка*, которое строится в большинстве случаев с конструкцией типа *вода пити*) [Там же].

В нашей работе подобные сочетания признаются непоказательными относительно употребления конструкции в «живом» языке, однако их фиксация также необходима для дальнейшего исследования и возможного уточнения выводов и предположений при привлечении большего объема материала. Такие примеры, как *пашня пахать*, *земля пахать*, *служба служить*, *рука приложить*, а также *рыба ловить*, *трава косить*⁷ будут учитываться в общей статистике, но на основании этих примеров нельзя делать вывод об использовании конструкции в живом языке той или иной южнорусской области. В ходе дальнейшего исследования, после описания материала документов других южнорусских областей, этот список «неговорящих» примеров может быть уточнен. На данный момент выделены самые очевидные случаи сочетаний, которые широко распространены в деловой письменности разных регионов и являются весьма вероятными примерами «формульного» употребления исследуемой конструкции.

Тем не менее не все случаи употребления конструкции типа *вода пити* можно признать формульными. Можно предположить, что сочетание является неформульным, если оно характерно только для документов одного региона или уникально. В таком случае, возможно, оно является отражением живого языка, так как справедливо полагать, что в таких случаях заимствование сочетаний из делового языка Москвы маловероятно. Надо заметить, что найти такие уникальные сочетания непросто, так как деловые документы затрагивают, как правило, однотипный круг тем. Полагаем, что самым весомым доказательством употребления конструкции типа *вода пити* в живом языке может быть использование в этой конструкции имен собственных в неформульном контексте (про имена собственные в формульном контексте см. ниже).

Приведем примеры, которые, судя по всему, могут отражать употребление конструкции типа *вода пити* в живом языке, так как называют конкретный уникальный объект — местное географическое название:

⁷ Примеры типа *рыба ловить*, *трава косить* встречаются в живых севернорусских диалектах, однако они присутствуют как в южных, так и в севернорусских документах.

- (1) ...и имъ **та кузьмина вотчина** от поместных земель от пашень и от покосов и от лесов и ото всяких угодеи **отмежевати** (Послушная грамота от кн. Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и Ивана Заруцкого) [СПИРК 2005, II: 305];
- (2) А **меча**⁸ нам **ведати** вобще (Докончание в. кн. Ивана Васильевича с кн. рязанским) [Там же, I: 249];
- (3) ...а **орда знати** мне великому князю... (Докончание в.кн. Василия Васильевича с кн. Серпуховским и боровским Василием Ярославичем) [Там же, I: 205].

Таким образом, на наш взгляд, имена собственные (типа *Меча*), называющие единичные топонимические объекты (типа *та Кузьмина вотчина*), уникальные сочетания, характерные для определенного региона (см. далее *нагодчина платить*), сочетания, нехарактерные для деловой письменности Москвы (типа *глина иматъ* [Котков 1959]), где и складывались устойчивые формулы приказного языка, могут свидетельствовать о том, что конструкция употребляется не только в формуляре делового языка, но и в речи жителей соответствующей области.

Памятники деловой письменности Рязани практически не анализировались С. И. Котковым — исследователь указал только на небольшое количество примеров, «рассеянных в рязанских текстах XVII в.: мне Игнатию земля на плотину копать; а кровля на погреб зделать бы легкая; сшить ему Гришке рубашка; взять пшеница; рука приложить; работа работать; служба служить» [Там же]. Не все приведенные примеры для нас равнозначны. На наш взгляд, к неформальным примерам можно было бы отнести такие сочетания, как *кровля зделать*, *сшить рубашка*, *взять пшеница*. К сожалению, в статье С. И. Коткова не указаны точные источники этих примеров.

В данной работе нами исследованы следующие памятники рязанского происхождения: «Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв.» (СПИРК), «Писцовые книги Рязанского края XVI в.» (ПКР), «Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край» (ПРП).

«Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв.»

Указанный сборник включает не только рязанские документы, но и московские по месту их написания. К исследованию привлекались только документы, написанные на рязанской территории.

В СПИРК, как и в курских отказных книгах, преобладает сочетание *пашня пахать*, однако отличие от исследованной С. И. Котковым курской отказной книги состоит в том, что зафиксировано меньшее количество при-

⁸ Меча — река, правый приток Дона.

меров конструкции типа *вода пити*; обращает также на себя внимание преимущественная препозиция существительного относительно инфинитива.

В исследованном источнике отмечены такие сочетания, как *пашня пахать*, *земля пахать*, *служба служить*, *рука приложить*, *исправа дати* (см. ниже таблицу 1), которые являются достаточно «стандартными» для делового языка, — они вполне могли быть формульными сочетаниями, воспроизводимыми в «готовом виде».

Как было сказано выше, рассматривались только грамоты, написанные местными писцами. Однако эти грамоты рязанских писцов можно разделить на два вида: вид I имеет в «шапке» повеление царя — местный писец отчитывается о действиях, произведенных в соответствии с этим повелением, вид II — договор между частными лицами (о продаже, покупке земель, о долгах и др.).

Н. С. Коткова показала, как устроены **грамоты вида I**: «...отписки воевод и другие ответы Москве начинались обычно старательным, часто слово в слово, повторением распоряжений из Москвы, а затем следовали ответы по каждому пункту распоряжений» [Коткова 1987: 132]. Таким образом, существует вероятность, что здесь данный оборот «заимствован» из делового языка Москвы, несмотря на то что документ написан местным писцом. Эта особенность рассматриваемых текстов еще раз показывает, с какой осторожностью надо подходить к анализу употребления конструкции типа *вода пити* в деловых памятниках.

Приведем некоторые примеры грамот вида I (с повелением царя в «шапке» грамоты):

- (4) *По государеву и великого князя ивана васьильевича всеа русии наказу и па книгам рязанских писцов резанской писец степан иван гораздин колединской да подьячеи васюк екимов отделили поместья... от старых помещиков и от вочеников **пашня похати** и хрестьяны владети...* [СПИРК 2005, II: 91];
- (5) *По государеве цареве и великого князя федора ивановича всеа русии грамоте и по выписи с книг никола зарайского городовоу приказник козарин кирилов отделил... И Крепкому Нефимонову тем своим поместьем крестьяны и всяким угодем владеть **пашня пахать**... и в ыстоках **рыба ловить** с чегоряны и с черьногорцы... а выпись писал никола зараскова земьской дьячок гриша еремеев сын петров* [Там же, II: 126].

В **грамотах вида II**, в «шапке» которых нет отсылок к Москве, примеры конструкции типа *вода пити* тоже по большей части стандартны. Такие сочетания, как *вотчина очищать*, *деревня ведати*, *отчина держати*⁹ и др.,

⁹ Надо сказать, что оценка этих сочетаний как стандартных произведена здесь на основе их употребительности в деловых текстах, однако пока без точной статистики, «на глаз», на основании того, что попадалось автору ранее в разных деловых документах.

являются распространенными в деловых грамотах и поэтому мало показательными в отношении употребления конструкции типа *вода питу*. Несмотря на то, что для нас эти примеры непоказательны, интересен сам факт их появления «под пером» местных рязанских писцов. Приведем некоторые такие примеры:

- (6) *Се аз резанец сава сергеев сын пелепелкин...* и в допросе сказать и **рука приложить**... А запись писал переяславля рязанского крепостных дел подъячей савка обоносимов [Там же, II: 246];
- (7) *Се яз фетинья иванова ...* А за рость (так!) якову та наша **деревня ведати** со всем и **земля похати** и косити... А подписал великие княгини дьяк михайло мелентьев язвец¹⁰ (1501 г., докладная заемная закладная кабала рязанская Фетиньи Богдановой) [Там же, II: 317];
- (8) Господину осподарю моемоу великому князю витовтоу *се яз великий князь великы иван федорович рязаньски* добил есми челом... **А суд и исправа давати** ему мне о всех делех чисто... (Около 1430 г. Докончание великого князя рязанского Ивана Федоровича с великим князем литовским Витовтом) [Там же, I: 161] — самый ранний пример из рязанской грамоты, где встретилась конструкция типа *вода питу*.

Приведем весь материал СПИРК в Таблице 1.

Надежных примеров свободного употребления конструкции типа *вода питу*, которые можно было бы отличить от возможных формул, встретилось мало. Приведем следующие случаи, которые кажутся наиболее «нетривиальными»:

- (9) *Се аз василей ненашев сын кондратьев* д[а]ю есми на себя запись ... и с тово пруда моим васильевым крестьянам **имать вода** ...

вых текстах. В дальнейшем мы надеемся обобщить статистику таких примеров из разных источников — соответственно, данные могут быть уточнены. На настоящий момент можно только привести некоторый ряд примеров подобных сочетаний из других источников, ср.: ...та **вотчина** своя **очищати**... (1588/89 г. — Купчая Ивана Васильевича Кобылина Грязному Андрееву сыну Ивашева на сц. Маслово Клинского у.); ...та **вотчина** половина селца беречина **очищати** (1578/79 г. — Купчая Василия Васильева с. Лагарева на проданную половину селца Беречина в Шуткине стану Юрьев-Польского уезда); ...та **деревня ведати** и **пашня покати**... (1554 г. мая 23 — Жалованная грамота ц. Ивана Васильевича арх-ту нижегородского Благовещенского м-ря Исاية); а **отчина** ми твоя **держати** подь тобою (1465 г. — Договорная грамота Ивана Васильевича с можайским кн. Михаилом Андреевичем) и др.

¹⁰ «Родоначальником Язвцевых был дьяк рязанского великого князя Михайло Мелентьев сын Язвец, упоминающийся в актах 1501–1519 гг. (АСЭИ. Т. III. № 361, 362, 368, 378, 379, 387), а в 1530-е годы рязанский судья (Памятники русской письменности. № 61). В середине XVI в. в Рязани жил Иван Федорович Язвцов. См.: С. Б. Веселовский. Ономастикон. М., 1974. С. 380» [Морозов 1988].

Таблица 1

Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв.

	Примеры	Кол-во	Том, страница
I			В «шапке» документа повеление царя:
	пашня пахать	12	I: 461, 478, 480; II: 14, 91, 126, 127, 128, 153, 161, 228, 351
	переложная пашня розпахати	1	II: 75
	служба служить	1	II: 154
	рыба ловить	1	II: 126
II			Нет отсылки к повелению царя:
	исправа давати	1	I: 161
	исправа держати	1	I: 162
	исправа дати	1	I: 162
	пашня пахать	1	II: 95
	имать вода	1	II: 95
	усада розписать	1	II: 95
	вотчина очищать	3	II: 103, 105, 411
	вотчина написать	1	II: 103
	пашня верстати	1	II: 196
	земля копать	1	II: 205
	земля похати	1	II: 317
	деревня ведати	1	II: 317
	рука приложить	1	II: 246
	лавка поставить	1	III: 434

а **усада**¹¹ мне василью со князь урусланом **розписать** у писцов... а подлинную запись писал Иванец Кондра[т]ьев сын земской дьячок Федякинской волости¹² лета 7000 сто четвертого году (Запись-обязательство Василия Ненашева сына Кондырева кн. Уруслану Иванову) [Там же, II: 95];

¹¹ Согласно «Словарю русских народных говоров», слово *усада* «усадьба» распространено на южнорусской территории (Калуж., Рязань) и немного восточнее (Свердл., Пенз.), большинство примеров с Рязанской территории, тогда как вариант *усад* (м. р.) имеет больший ареал распространения (Москва, северные и восточные территории) [СРНГ 2015: 34–35]. В рязанских грамотах слово *усада* повторяется многократно.

¹² Сейчас Федякино — село, административный центр сельского поселения Рыбновского района Рязанской области.

- (10) *Яз великий князь иван васильевичъ рязанский большия области третной повелением божиим приказал... да к тому ж храму дано место дворовое где лавка поставить на улици волковой... писана в переяславле рязанском лета 6603 марта 7 (Указная грамота рязанского великого князя Ивана Васильевича Третного Большого о построении церкви Иоанна Златоуста в Переяславле-Рязанском) [Там же, III: 434].*

Отметим, что в грамотах встречаются случаи варьирования И. и В. п. в одном и том же контексте (модальный инфинитив + сущ.), — это важный показатель употребления конструкции. В памятниках письменности постоянно отмечаются случаи варьирования И./В. падежей. В исследованных документах мало примеров употребления модального инфинитива с В. п. Приведем примеры вариативности, которые встретились во втором томе СПИРК, где мог бы использоваться И. п. при модальном инфинитиве, однако находим В. п.:

- (11) *А розделити нам тое спорную землю меж себя... (1596/97 г. Мирная запись-обязательство кн. Теребердея-мурзы Илышева...) [Там же, II: 77];*
- (12) *...доход с крестья(н) имати и пашню на себя пахати велети а того поместья не опустошити... (1570 г. Грамота из родословной росписи князей Шиловских) [Там же, II: 423];*
- (13) *...то его старинное поместье и вотчину ей вдове Полагее дать... (1634 г. Грамота из родословной росписи Щетининых) [Там же, II: 467].*

Надежным подтверждением наличия конструкции в речи рязанцев, по всей видимости, могли бы быть неделовые источники, в которых отсутствовала формульность, либо наличие в деловых документах большего количества примеров «уникальных» (см. общие замечания) сочетаний конструкции типа *вода пити*.

«Писцовые книги Рязанского края XVI в.»

В ПКР встретилось немного примеров конструкции *вода пити*, но некоторые из них требуют особого внимания. В данном источнике значительно преобладает сочетание *государева служба служить* (которое, по замечанию С. И. Коткова, может являться штампом делового языка [Котков 1959]), а сочетание *пашня пахать* встретилось только один раз, что несколько нетипично для подобных источников.

В Таблице 2 представлен весь материал ПКР по конструкции типа *вода пити*.

В ПКР наше внимание привлекло такое уникальное сочетание, как *нагодчина платить*. По историческим данным *нагодчина* — термин, распро-

Таблица 2

Писцовые книги Рязанского края XVI в.

Примеры	Кол-во	Страница
служба служить	18	274, 305, 378, 385, 385, 388, 389, 390, 390, 391, 395, 398, 402, 403, 403, 406, 407, 410
пашня пахати	1	286
сестра кормить	1	385
мать своя кормить	1	403
нагодчина платить	1	422
давати полтина	2	422, 422
давати гривна	1	423

страненный только в рязанском регионе: «Среди различных форм условного землевладения в средневековой Руси особое место занимает рязанский феномен нагодчины... При ближайшем рассмотрении нагодчина предстает совершенно особым, оригинальным типом условного землевладения, распространенным на исторической карте Рязанского княжества» [Антонов 1998: 109]. Таким образом, невозможно предполагать влияние московского делового языка в следующем примере:

- (14) ...а **нагодчина** имъ **платить** по книгамъ двутретныхъ писцовъ... (1553 г. июля 16. Выпись на земельные владения Богословского монастыря... из писцовых книг письма рязанских двутретных писцов князя Федора Семеновича Мезецкого да Третьяка Михайловича Дубровина с товарищами) [ПКР 1997: 422; СПИРК 2005, III: 334].

Данный термин редко встречается в И. п. и не входит в конструкцию типа *вода питу*, тогда как указанная мера оплаты входит:

- (15) ...а нагодчины имъ **давати** на годъ **полтина** [ПКР 1997: 422];
 (16) ...а нагодчины имъ **давати** на годъ пол **полтина** [Там же];
 (17) ...а нагодчины имъ **давати** на годъ **гривна** [Там же: 423].

Заметим, однако, что употребление названий денежных единиц в примерах (15)–(17) все-таки не может считаться вполне надежным подтверждением употребления конструкции типа *вода питу* в местном диалекте, поскольку эти наименования всегда широко использовались в данной конструкции, т. е. тоже могли быть связаны с традицией¹³.

¹³ Так, 14 примеров сочетания *давати полтина* встретились в сотной из писцовых книг кн. Бориса Петровича Засекина на Кодимскую волость Важского уезда XVI в.: А за наместнич доход **давати** им оброку **полтина** [Васильев 1970: 388–397]. В том же документе встретились два сочетания *давати гривна*: А оброку им за то сено **давати гривна** [Там же: 395].

Таблица 3

Имена собственные в конструкции типа *вода пѣти* (материал ПКР)

Примеры	Страница
мать своя вдова полагаѣя кормити	305
сестра своя дѣвка овдотѣца выдати	305
мать своя агафѣя кормити	385
мать своя вдова настасѣя кормити	390
мать своя вдова федосѣя кормити	391
бабка своя вдова федосѣя и мать своя вдова анна кормити	398
мать своя вдова олена кормити	406

Остановимся далее на тех примерах, которые имеют особую значимость для нашей работы, — это случаи употребления в конструкции *вода пѣти* имен собственных.

Приведенные конструкции встретились в приправочных книгах Пронска и Рязани «по письму и мере Третьяка Григорьевича Вельяминова¹⁴ с товарищами» за 1596–1598 гг. По всей видимости, информация об этих писцах позволила бы делать более надежные и точные выводы относительно атрибуции данных примеров с собственными именами, но ее обнаружить не удалось. Приведем примеры конструкции *вода пѣти* с именами собственными полностью — в соответствующих контекстах:

- (18) ...а федка как будет 15 л. ему с того отца своего помѣстья государева служба служити и **мать своя вдова полагаѣя кормити** до еѣ живота и **сестра своя дѣвка овдотѣца** вскормивъ замужъ **выдати** [ПКР 1997: 305];

¹⁴ «По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Руси наказу **резанский писец Третьяк Григорьевич Вельяминов** с товарищи дали выпись с книг писма своего...» (1595 г. декабря 4 — Писцовая выпись Третьяка Григорьевича Вельяминова) [СПИРК 2005, II: 153]. Третьяк Вельяминов упоминается в грамотах с 1595 по 1599 г. Информации о нем крайне мало, во всех грамотах содержится одинаковая номинация: «писец». Возможно, следующая грамота может быть тоже связана с Третьяком Вельяминовым, хотя это только предварительное предположение (1606/07 г., — Вв. гр. Василию Гаврилову сыну Таптыкова на поместье отца (Гаврилы Иванова сына) и **бывшее поместье Третьяка Григорьева сына Вельяминова** жеребий д. Выкопань на рч. Выкопани в Каменском ст., жеребий с. Мотыри на рч. Мотырке в Перевицком ст., жеребий с. Микуличи в Окологородном ст. и жеребий пуст. Хихово Бахметево в Пониском ст. Рязанского у.) [Там же, I: 35].

Проблема еще заключается в том, что в книгах не упомянуты никакие другие имена писцов, поэтому неизвестно, где мог «руку приложить» Третьяк Григорьевич, а где — его «товарищи».

- (19) ...а как фетка и матюшка будутъ въ 15 лѣтъ и имѣ съ того отца своего помѣстья государева служба служити и **мать своя агафья кормити** до еѣ живота [Там же: 385];
- (20) ...и как будетъ гришка въ 15 лѣтъ ему с того отца своего помѣстья государева служба служити и **мать своя вдова настасья кормити** до еѣ живота [Там же: 390];
- (21) ...а по памяти за приписью дьяка ивана ефанова велѣно с того помѣстья безсонку да михалку государева служба служити и **мать своя вдова федосья кормити** до еѣ живота [Там же: 391];
- (22) ...а ивану с того помѣстья государева служба служити и **бабка своя вдова федосья и мать своя вдова анна кормити** до ихъ живота [Там же: 398];
- (23) ...и как будутъ гришка да ивашка въ 15 л имѣ с того отца своего помѣстья государева служба служити и **мать своя вдова олена кормити** до еѣ живота [Там же: 406].

Вполне вероятно, что данное сочетание может быть формульным, — из-за повторяемости, устойчивости контекста и того, что подобные примеры встречаются в деловых грамотах и других регионов, ср.:

- (24) ...а ему с того поместья наша служба служити и **теща своя вдова лукерья** до ее живота **кормити** (1605, мая 3 — Грамота царицы Марии Григорьевны и царя Федора Борисовича в Великий Новгород воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому...) [Селин 2008: 25];
- (25) ...а мне холопу моему с того поместья твоя государева служба служити и **патчерица своя марья** до замужества **кормити** и замуж выдати (ЦГАДА, ф. Поместный приказ, Псков, ст. № 43295, л. 36 и об.);
- (26) ...имѣ съ того отца своего поместья государева служба служити и **мать своя вдова пелагея кормити** до ее живота (1613–1621 гг., 16 апреля. Отдельные книги поместья Ивана Большого, Арзамасский уезд) [СВМГ 1915: 490]¹⁵.

Тем не менее необходимо отметить, что в целом употребление конструкции типа *вода пити* в подобных контекстах встречается редко.

По мнению С. И. Коткова, сочетания с именительным падежом объекта в подобных контекстах не являются штампом делового языка: «...отметим выражения, в которых видеть формулы приказного языка абсолютно невозможно. Приводя подобные словосочетания, считаем бесполезным упоминать и о писцах и о времени написания¹⁶: И ему Исаю... племянница

¹⁵ Употребление конструкции типа *вода пити* с именами собственными встречаются не только в рязанских или южнорусских памятниках — ср. также в московских, см. [Попова 2017].

¹⁶ С. И. Котков считает, что в XVII в. конструкция типа *вода пити* была нехарактерной для делового языка Москвы, см. «Общие замечания».

своя девка Дарица кормит и поит и замуж ее выдот, 1632 (губной диячок Наумка Кобатов)...» [Котков 1959]. Тем не менее для надежного подтверждения неформульности подобных примеров, на наш взгляд, необходимы дополнительные доказательства. Обратим в связи с этим внимание на то, что в СПИРК имеется целый ряд грамот, написанных в Москве и адресованных в Рязань, в которых в указанном контексте преобладает В. п. существительного; приведем некоторые из них:

- (27) ... им с того ж отца своего поместья наша служба служити и **мать свою вдову онтонида** до ее живота и **сестру свою девку оксинь-ицу** и что их мать родит **кормити** и вскормив **сестру** замуж **выда-ти**... писан на москве 7114-го февраля в 4 день [СПИРК 2005, II: 87];
- (28) ... ему с того отца своего поместья наша служба служить и **мать свою вдову княгиню овдотью** и сест(р) **кормити**... писан на москве [Там же, II: 97];
- (29) ... а ему с того поместья служба служити и **сестру свою девку федосьицу кормити**... с того отца своего поместья наша служба служити и **мать свою вдову марью** до ее живота **кормити**... писан на москве [Там же, II: 171].

В СПИРК встречаются и примеры с винительным падежом объекта при инфинитиве в том же самом контексте: [СПИРК, I: 387, 440, 453, 568, 590, 593; СПИРК, II: 17, 111, 145, 173 (2×), 313, 370].

Приведем единственный московский пример, в котором встретился Им. п. существительного в данном контексте:

- (30) ...ему с того отца своего поместья наша служба служити и **мать своя вдова пологая** да ея живота **кормити**... писона на москве лета 7118-го году марта в 19 день [Там же, II: 364].

Судя по всему, нет оснований считать употребление конструкции типа *вода пити* в подобных контекстах формулами, заимствованными из деловой письменности Москвы, так как в исследованных грамотах, написанных в Москве и адресованных в Рязань, имена собственные в указанной конструкции в И. п. встречаются редко. Обратим также внимание на то, что в вышеприведенных однотипных контекстах встречается совершенно разное лексическое наполнение конструкции: помимо слов *мать* и *вдова*, фиксируются термины родства женского рода *сестра*, *бабка*, *теща*, *падчерица*, *племянница*. Именно в рязанских грамотах встретились сочетания *мать* (+ *вдова*), *сестра* (+ *девка*), *бабка* (+ *вдова*) *кормити*.

В некоторых примерах из рязанских документов обнаруживается вариативность И./В. падежей, ср. в пределах одного контекста:

- (31) ... а ему стога поместья государева служба служить и вотчима своего михаила и **мать свою богдану кормити** до ихъ живота и сестрь своихъ дѣвокъ акулиницу да марфицу вскормивъ замужъ выдать [Там же, II: 274];

- (32) ... а ивану съ того отца своего помѣстья государева служба служити и **мать свою вдову овдотью кормити** до еѣ живота [Там же, II: 388].

Появление окончания -у в примере (1) *свою вдову богдану*, по всей вероятности, можно объяснить тем, что до этого называется отчим, имя которого стоит в В. п. В примере (2) *свою вдову овдотью* нет оснований предполагать, что появление окончания -у обусловлено какими-то факторами, связанными с контекстом.

Следующие примеры (3) и (4) содержат имена основы на -а, которые называют лиц мужского пола. Возможно, наличие слов *свой*, *брат* сыграло свою роль в том, что данные слова не вошли в конструкцию типа *вода пити*, — отметим в связи с этим, что до сих пор в данной конструкции существительные с основами на -а мужского рода нам не встречались:

- (33) ... велѣно миткѣ левонову съ того дяди своего помѣстья служба служити и **дядю своего кормити** до его живота [ПКР 1997: 378];
 (34) ... а братъ его замятня слѣпъ и ему с того помѣстья съ сельца храрова государева служба служити и **брата своего замятню кормити** до живота его [Там же: 395].

Таким образом, по всей вероятности, нельзя считать данные примеры только штампами делового языка, так как присутствует вариативность, что характерно для конструкции *вода пити* во многих новгородских, московских, северных памятниках письменности (см., например, вариативность в «Домострое» [Попова 2017]). Значит, имена собственные в исследуемой конструкции возможны — весьма показательный факт для характеристики ее грамматической специфики.

Действительно, в ПКР встретились «уникальные» сочетания, которые были нам необходимы для подтверждения предположения о живом употреблении конструкции типа *вода пити* в рязанском регионе. Хотя количество зафиксированных надежных примеров все-таки невелико, причем целый ряд из них отмечен в однотипном контексте, важно отметить, что местная традиция делового языка в отношении употребления конструкции *вода пити* не всегда совпадает с московской, что может быть свидетельством в пользу наличия конструкции в диалектной системе.

«Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край»

Хронологический период грамот в этой публикации С. И. Коткова — XV–XVI вв. Как и в описанных выше источниках, исследовались только те документы, которые могут быть надежно атрибутированы местным рязанским писцам. Соответственно, некоторые грамоты не учитывались,

а именно грамота № 44¹⁷, а также дарственные Троице-Сергиеву монастырю: №№ 29 (*кормля корми(т)*), 32 (*та вотчина очищати*), 35 (*та вотчина очищати*), 36 (*та вотчина очищати*), 39 (*та вотчина очищати*), 42 (*та вотчина очищати*), 81 (*та своя вотчина очищати*), 82 (*та закладная мужа моего вотчина очищати*). Хотя в указанных грамотах встретились примеры конструкции типа *вода пѣти*, есть основание предполагать, что эти тексты могли быть написаны неместными писцами, поэтому они были исключены из рассмотрения¹⁸.

В сборник вошли также деловые документы Коломны и Коломенского уезда, что расширило круг доступных для исследования грамот изучаемой диалектной зоны. Коломенские документы отмечены в таблице пометой К.

Таблица 4

Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край

Примеры	Кол-во	Страница
ведать вотчина	1	10
вотчина держати	1	12
знати моя дань	1	15
прибавка платити	1	75 — К
пашня пахати	1	75 — К
трава косити	1	75 — К
учинити цена	1	86 — К
земля отвести	1	88 — К
вотчина очищать	3	108 — К, 109, 111.
вотчина написать	1	109
деревня очищати	1	110 — К
вотчина пахати	1	113

¹⁷ Грамота № 44 — Рязская десятина детей боярских верстанья боярина князя Ивана Юрьевича Булгакова и дьяка **Дея Губастого**. В данной грамоте встретилось около 80-ти примеров сочетания *служба служити*. Вызывает сомнение, что эта грамота написана местными рязанскими писцами, — например, в числе лиц, руководивших строительством в Астрахани приблизительно в том же промежутке времени, назван дьяк **Дей Губастый** (см. Царский наказ Астраханским воеводам 1591 г. [АИ 1841: 436]). Возможно, это один и тот же человек, поэтому примеры конструкции типа *вода пѣти* в данной грамоте не учитывались.

¹⁸ Например, в грамоте № 82 указано, что писец неместный: «А даную грамоту писал подачей помѣстнѣ приказу Замѣтница Третаков сѣ Гавренев» [ПРП 1979: 116]. О писцах остальных грамот ничего не известно, тем не менее дарственные Троице-Сергиеву монастырю в общую таблицу не включены, так как велика вероятность, что они были написаны в Поместном приказе в Москве.

Приведем некоторые примеры из грамот. Самые ранние из всех указанных примеров употребления конструкции типа *вода питу* встретились в «княжеских» грамотах:

- (35) ...зъ братаю. **веда(т) та вотчина** по старине сами(м)... (1483–1501 гг. Жалованная грамота великой княгини рязанской Анны игумену Солотчинского монастыря Арсению...) [ПРП 1979: 10];
- (36) А **о(т)чина** ти гñе **моа держати** по(до) мною и блюсти... а **знати** вл(д)чни(м) людемъ **моа да(н)** и я(м)... А писано в переславли (1483–1501 гг. Договорная грамота рязанского князя Федора Васильевича со своим братом великим князем рязанским Иваном Васильевичем [Там же: 12, 15].

Интересно, что в ПРП сочетание *пашня пахать* встретилось только один раз, хотя обычно частотность этого сочетания превышает частотность остальных.

- (37) *Се яз Анофрей Степанов сñъ Лашинской.* занял... и **пашня** крестьяно(м) на Василя **пахати** и повозы возити... (1584–1585 гг. Земная кабала на 185 рублей, взятых в долг Анофрием Степановым... за вотчину свою деревню Полубояриново в Коломенском уезде) [Там же: 75];
- (38) Переславль Рязанской... *Се яз Василей Иванов сñъ Коровин* свои(м) сыно(м) з гаврило(м) заняли есмя... и петру **та нша вотчина приданая** на тѣ денги за ростъ **пахати**... (1564–1565 гг. Закладная кабала на сельцо Городище, данная Васильем Ивановым...) [Там же: 113].

Таким образом, как мы видим, в ПРП встретились различные примеры конструкции типа *вода питу*. Маловероятно, что все приведенные случаи употребления этой конструкции существовали в рассмотренных документах только как формулы делового языка (ср., например, *прибавка платити, учинити цена, земля отвести, вотчина написать*)¹⁹, тем более что все они встречаются в рязанских текстах достаточно редко, — в случае их формульности можно было бы ожидать их большей частотности.

¹⁹ Относительно примеров конструкции с зависимым инфинитивом существуют также разные точки зрения: 1) такие структуры вторичны по отношению к конструкции типа *вода питу* и свидетельствуют о ее разрушении (см. [Борковский 1949: 341, 350 и др.]); 2) примеры свидетельствуют не о разрушении, а о расширении конструкции и могут рассматриваться как доказательство её наличия в живом языке [Кузьмина, Немченко 1964]).

Он **вели(т)** на нем **взяти** таможником **таможня** два рубля... (Договорная грамота рязанского князя Федора Васильевича со своим братом великим князем рязанским Иваном Васильевичем) [ПРП 1979: 14].

Итоги

Несомненный вывод проведенного исследования заключается в том, что конструкция типа *вода пити* вполне регулярно встречается в рязанских деловых памятниках XV–XVII вв.

По имеющимся данным есть основания предполагать, что конструкция типа *вода пити* могла быть представлена в живом употреблении на рязанской территории. Аргументы в пользу этого предположения следующие.

1) Свобода лексического наполнения сочетаний. В исследованном материале рязанских документов встретилось 29 разных сочетаний, которые трудно считать штампами делового языка, так как большинство из них (помимо *пашня пахать*, *служба служить*, *вотчина очищати/держати*) встретились единично.

2) Уникальные примеры. Сомнительна ситуация, при которой примеры типа *нагодчина платити* и имена собственные в писцовой книге Рязани, нехарактерные для деловой переписки Москвы с Рязанью, могли бы быть заимствованы как штампы делового языка из московских документов.

С другой стороны, перечислим факторы, уменьшающие надежность аргументов наличия конструкции типа *вода пити* в живом употреблении на рязанской территории.

3) Относительно небольшое количество примеров.

4) Недостаточность сведений о писцах, о некоторых из них неизвестно ничего, кроме имени.

Сопоставив «весомость» тех и других аргументов («за» и «против»), мы видим, что аргументы (1–2) не могут быть опровергнуты аргументами (3–4): свобода лексического наполнения конструкции и уникальные примеры с местными географическими названиями и другими характерными именно для Рязанской области именами никак не могут быть обусловлены сравнительно небольшим общим количеством примеров рассматриваемой конструкции в рязанских документах; недостаточность сведений о писцах (остающаяся вероятность, что не все они местного происхождения) тоже принципиально не опровергает аргументы «за». Таким образом, есть основание предполагать, что конструкция типа *вода пити* присутствовала если не на всей, то хотя бы на какой-то части рязанской территории.

Для дальнейшего развития этого исследования необходимо изучение материалов деловой письменности нескольких южных регионов с точки зрения представленности в них конструкции типа *вода пити*. Полученные данные могут быть сопоставлены между собой, а результаты этого сопоставления можно будет сравнить с данными по употреблению конструкции *вода пити* в московских и в северных деловых документах, т. е. с данными памятников тех регионов, для которых она несомненно была (и для многих остается) живой языковой чертой. Выявление особенностей употребления этой конструкции в южнорусских источниках — с точки зрения лексиче-

ского наполнения и др. — может помочь в решении проблемы её диалектного распространения (или исконно общерусского характера) в истории русского языка.

Источники

АИ 1841 — Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.: [В 3 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории; [отв. ред. Б. Д. Греков]. М., 1952–1964.

ПКР 1997 — Писцовые книги Рязанского края XVI века. Т. 1. Вып. 1–2 / Подгот. А. И. Цепков. Рязань, 1997.

ПРП 1979 — Памятникам русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М., 1979.

СВМГ — Смутное время Московского государства. Вып. 4. М., 1915.

СПИРК 2005 — Свод письменных источников по истории рязанского края XIV–XVII веков. Т. 1–4 / Подгот. А. И. Цепков. Рязань, 2005.

СРНГ 2015 — Словарь русских народных говоров Вып. 48. Уроста — Ушибь. СПб., 2015.

Литература

Антонов 1998 — А. В. Антонов. Из истории нагодчины в рязанской земле // Историко-археографические исследования: Россия XV — начала XVII века. М., 2013. С. 109–119.

Блинова 2010 — О. В. Блинова. Деформация средств выражения грамматической связности как следствие воспроизводимости текста: на материале грамоток XVI–XVII вв. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2010.

Борковский 1949 — В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.

Васильев 1970 — Ю. С. Васильев. Кодимская волость Важского уезда в XVI в. // Материалы по истории европейского севера СССР. Северный археографический сборник, Вып. I. Вологда, 1970. С. 381–397.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зимин 1950 — А. А. Зимин. Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.

Котков 1959 — С. И. Котков. Конструкции типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. XVIII. 1959. С. 45–53.

Котков 1978 — С. И. Котков. Конструкции типа «земля пахать» в свете южновеликорусских данных XVII в. // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 30–37.

Коткова 1987 — Н. С. Коткова. Выявление московских лексических норм XVII в. путем сравнения с периферийными данными // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 131–142.

Крысько 1994 — В. Б. Крысько. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Кузьмина, Немченко 1964 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964. С. 151–165.

Ломтев 1956 — Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.

Маркова 1985 — Н. В. Маркова. Именительный падеж прямого объекта в онежских говорах // История русского языка: Лексика. Язык художественной литературы. М., 1985. С. 74–87.

Морозов 1988 — Б. Н. Морозов. Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 298–309.

Попов 2012 — А. В. Попов. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, древнегреческом, латинском и других языках. М., 2012.

Попова 2017 — А. В. Попова. Конструкция типа *вода питу* по данным московских памятников XVI — нач. XVIII вв. // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33). С. 251–264.

Потебня 1888 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. II. Харьков, 1888.

Ронько 2016 — Р. В. Ронько. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1 (31). С. 158–181.

Ронько 2017 — Р. В. Ронько. *Надо корова доить!* Номинативный объект в севернорусских диалектах // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН/Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XIII. Ч. 3. СПб., 2017. С. 244–268.

Седов 1997 — В. В. Седов. Контакты балтов с финноязычными племенами в эпоху раннего железа // Балто-славянские исследования 1988–1996 / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1997. С. 73–80.

Селин 2008 — А. А. Селин. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.

Соболевский 1907 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.

Степанов 1984 — Ю. С. Степанов. Оборот *земля пахать* и его индоевропейские параллели // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 43. № 2. 1984. С. 128–143.

Филин 1972 — Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.

Timberlake 1974 — A. Timberlake. The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic. Munich, 1974.

Статья получена 15.02.2019

Anna V. Popova

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
anja.p-va@yandex.ru

CONSTRUCTION OF THE TYPE *VODA PITI* (INF. + NOM.) IN THE 15th–17th CENTURY RYAZAN BUSINESS WRITING

The article deals with the problem of localization of the construction of the type *voda piti* (inf. + Nom.) in the South Russian territory. 15th—17th century Ryazan documents of business writing are analyzed with special attention to the frequency of use of the construction in question and to examples containing proper names and dialect words. Conditions for the use of the construction in business texts are also considered and attention is drawn to its possible use as a business cliché. On the basis of the analyzed material, it can be concluded that in the period under consideration the construction was in use at least in some part of the Ryazan territory.

Keywords: construction *voda piti*, 15th—17th century Ryazan documents of business writing, semantics, reference, animacy.

References

- Antonov, A. V. (2013). *Istoriko-arkheograficheskie issledovaniya: Rossiya XV — nachala XVII veka*. Moscow: Drevlekhramilishche.
- Blinova, O. V. (2010). *Deformatsiya sredstv vyrazheniya grammaticheskoy svyaznosti kak sledstvie vosproizvodimosti teksta: na materiale gramotok XVI—XVII vv.* (doctoral dissertation). St. Petersburg.
- Borkovskiy, V. I. (1949). *Sintaksis drevnerusskikh gramot (prostoe predlozhenie)*. Lvov: Izd-vo Lvovskok un-ta.
- Filin, F. P. (1972). *Proiskhozhdenie russkogo, ukrainskogo i belorusskogo yazykov. Istorikodialektologicheskij ocherk*. Leningrad: Nauka.
- Kotkov, S. I. (1959). Konstruktsii tipa «zemlya pakhat'» v istorii yuzhnovelikorusskikh govorov. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*, 38, 45–53.
- Kotkov, S. I. (1978). Konstruktsii tipa «zemlya pakhat'» v svete yuzhnovelikorusskikh dannyx XVII v. In G. V. Belozertsev, & V. V. Ivanov (Ed.), *Vostochnoslavianskoe i obshchee yazykoznanie* (pp. 45–53). Moscow: Nauka.
- Kotkova, N. S. (1987). Vyyavlenie moskovskikh leksicheskikh norm XVII v. putem sravneniya s periferiynymi dannymi. In V. V. Ivanov (Ed.), *Istoriya russkogo yazyka i lingvisticheskoe istochnikovedenie* (pp. 131–142). Moscow: Nauka.
- Krysko, V. B. (1994). *Razvitie kategorii odushevlennosti v istorii russkogo yazyka*. Moscow: Lyceum.
- Kuzmina, I. B., & Nemchenko, E. V. (1964). K voprosu o konstruktsiyakh s formoy imenitel'nogo padezha imeni pri perekhodnykh glagolakh i pri predikativnykh narechiyakh v russkikh govorakh. In R. I. Vanasov (Ed.), *Voprosy dialektologii vostochnoslavianskikh yazykov* (pp. 151–165). Moscow: Nauka.
- Lomtev, T. P. (1956). *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Markova, N. V. (1985). Imenitel'nyy padezh pryamogo ob'ekta v onezhskikh govorkakh. In *Istoriya russkogo yazyka: Leksika. Yazyk khudozhestvennoy literatury* (pp. 74–87). Moscow.

Morozov, B. N. (1988). Gramoty XIV–XVI vv. iz kopiynoy knigi Ryazanskogo arkhieyreyskogo doma. In S. O. Schmidt (Ed.), *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1987 god* (pp. 298–309). Moscow: Nauka.

Popov, A. V. (2012). *Sravnitel'nyy sintaksis imenitel'nogo, zvatel'nogo i vinitel'nogo padezhey v sanskrite, drevnegrecheskom, latinskom i drugih yazykakh*. Moscow: Librokom.

Popova, A. V. (2017). Konstruktsiya tipa voda piti po dannym moskovskikh pamyatnikov XVI – nach. XVIII vv. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 251–264.

Ronko, R. V. (2016). Differentsirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v infinitivnykh klauzakh v drevnerusskom yazyke. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 158–181.

Ronko, R. V. (2017). Nado korova doit'! Nominativnyy ob'ekt v severnorusskikh dialektakh. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 13(3), 244–268.

Sedov, V. V. (1997). Kontakty baltov s finnoyazychnymi plemenami v epokhu rannego zheleza. In T. M. Sudnik, & E. A. Khelimsky (Ed.), *Balto-slavyanskije issledovaniya 1988–1996* (pp. 73–80). Moscow: Indrik.

Selin, A. A. (2008). *Novgorodskoe obshchestvo v epokhu Smuty*. St. Petersburg: BLITS.

Sobolevskiy, A. I. (1907). *Leksii po istorii russkogo yazyka* (4th ed.). Moscow.

Stepanov, Yu. S. (1984). Oborot zemlya pakhat' i ego indoevropeyskie paralleli. *Izvestia AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 43(2), 128–143.

Timberlake, A. (1974). *The nominative object in Slavic, Baltic, and West Finnic*. Munich: Otto Sagner.

Vasilyev, Yu. S. (1970). Kodimskaya volost' Vazhskogo uezda v XVI v. *Materialy po istorii evropeyskogo severa SSSR. Severnyy arkheograficheskiy sbornik* (Issue, pp. 381–397). Vologda.

Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskiy dialect* (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavynskoy kultury.

Zimin, A. A. (1950). *Tysyachnaya kniga 1550 g. i Dvortsovaya tetrad' 50-kh godov XVI v.* Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR.

Received on February 15, 2019